УДК 342 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-22-30

ПЕРВАЯ КОДИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПОЗИТИВНОГО ПРАВА: К ЮБИЛЕЮ СУДЕБНИКА 1550 ГОДА

Шатковская Татьяна Владимировна д.ю.н., профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ). E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Феодорова Марианна Христефоровна аспирант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). E-mail: mari_anna.08.1988@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена первой общерусской кодификации позитивного права, одним из важных результатов которой стал Судебник 1550 г. Авторы доказывают, что Судебник 1550 г. становится точкой разрыва между общепринятым и узаконенным, но не утрачивает связи с правовой традицией. Судебник 1550 г. впервые в истории российского права определил ареол приоритетного действия закона, закрепил принцип монархического властвования, установил приоритет царя на правду как высшую правовую ценность в российском обществе. В итоге централизация и единовластие, приказ на осуществление общегосударственных дел, монополия государства на правосудие и юридическую формализацию правды в закон становятся сущностными основаниями российского средневекового позитивного права.

Ключевые слова: *Судебник 1550 г., кодификация, российское право, московские цари, позитивное право, централизованное государство, правовые обычаи, монархия, Московское государствоВведение.*

Кодификация конца XV в. - середины XVI в. в Московской Руси тесно связана с усилением центральной власти, окончанием периода государственной разобщенности и складыванием новых юридических форм взаимодействия общества и государства. Идейным основанием кодификации стала мифологема о «странствующем царстве», посредством которой из церковного в общественно-политическое сознание русского народа перешла мысль о его богоизбранности.

Управление таким народом мог осуществлять только святой царь, чья миссия и служение несопоставимо с поместными государями и удельными князьями. По точному замечанию В.В. Зеньковского, царская власть стала точкой «встречи исторического бытия с волей Божией», «сочетания начала божественного и человеческого» [1, с.49]. Тем самым монархическую власть осознанно отделили от общества, а точнее поставили над ним. Мудрость царя от Бога, и кто после этого усомнится в правоте государевых постановлений? За справедливость этого «высшего источника правды» царь отвечает только перед Богом.

Миссия особого рода священного служения выразилась и в законодательной деятельности московских царей. Иван IV вслед за Иваном Великим продолжил кодификацию. Она представляла собой вариант официальной средневековой кодификации, нацеленной на выработку юридического фундамента централизованного государства и проведение в нем политических реформ, ориентированных на ликвидацию остатков прежнего административно-управленческого и правового многообразия, а также закрепление иерархического порядка стратификации российского общества.

Цели кодификации обусловили специфику «государевых» судебников (Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.), которые носили репрессивный, публичный, процессуальный, императивный, общеобязательный характер. Немногочисленные юридические нормы судебников впервые имели общегосударственное действие. Судебники нацелены на «огораживание» пространства позитивного права, прежде всего в сфере судоустройства и судопроизводства.

Разработка судебников стала первой кодификаций в системе позитивного права. Поэтому сложно согласиться с Н.В. Калачовым в том, что Судебник 1550 г. не содержит норм публичного права [2, с.56]. Напротив, именно нормы гражданского (14 статей) и уголовного (8 статей) права в «стоглавом» Судебнике 1550 г. весьма малочисленны [3, с.3-23].

К феноменам средневекового права с позиций научной строгости сложно применять понятия и категории, выработанные в последующие времена. Эта сложность возрастает в современном научном дискурсе, когда речь идет о понятиях, не имеющих единого значения, а таковых в современной юриспруденции едва ли не большинство [4, с.14-16]. В этой связи возникает вопрос о возможности идентификации процесса создания судебников как феномена, относящегося к кодификации.

Не менее важно выяснить, насколько приемлем этот термин, рожденный в эпоху стремительного распространения теории юридического позитивизма на фоне веры в могущество государственных законов к периоду господства правовых обычаев.

В отличие от средневековой Европы, имевшей целый ряд правовых школ, течений и направлений юридической мысли, в Московской Руси конца XV в. - середины XVIв. образованное юридическое сообщество отсутствовало. Как писал Р.Ю. Виппер, «азиатское влияние переплеталось в Москве со старой классической школой, доставшейся великорусским вассалам Золотой Орды в византийской ученой оправе» [5, с.17].

Поэтому мы можем исходить только из лингвистических особенностей понимания юридических терминов в том, числе и понятия «судебник», ставшего на протяжении указанного периода времени общепринятым термином, обозначавшим результат великокняжеского, а затем и царского законотворчества.

Так, в словаре В. Даля под «судебником» понимается устав, книга законов для суда [6, с.356]. При этом судебник, наряду с книгой законов и сводом законов рассматривается и в значении слова «кодекс».

Отсутствие точных юридико-технических критериев для квалификации деятельности по созданию судебников как кодификации не делает эту задачу неразрешимой. На основе социологического метода можно установить наличие социальной

потребности в юридической определенности управления Московским государством конца XV в. - середины XVI вв.

Эта потребность в первую очередь была обусловлена отсутствием единообразных источников публичного права, формализующих осуществление административно-судебных полномочий. В условиях децентрализованного управления в период раннефеодального «федерализма», а затем государственной разобщенности правовое регулирование основывалось на устных правовых обычаях, выраженных в ритуалах, обрядах, привычках и других символических формах. Данный способ формализации осуществления управленческих полномочий, имевший локальный характер и местные особенности, не соответствовал новой модели организации государственной власти в Московской Руси. На смену децентрализации пришла централизация, широкое усмотрения кормленщиков и иных «удельных» управленцев уступало место приказу, исходившему от монарха.

Существенный пробел в содержании правовых обычаев и источников церковного права, препятствовавший единообразной организации суда и управления, стал нишей для позитивного права – сферой государственного правотворчества.

Анализируя процесс создания судебников, можно определить наличие у них принципиальной основы в виде преемственности в развитии позитивного права, которое не утрачивает и связи с правовой традицией. Борющиеся за абсолютизацию своей власти московские цари, в том числе и методами ликвидации политической оппозиции в лице удельных князей и бояр, в правовой сфере не отказались от признания приоритета сложившихся канонических и обычно-правовых устоев.

Принцип узаконивания общепринятого в полной мере характерен для судебников и в некотором смысле новая форма, содержащихся в них норм, не наполняла позитивное право новыми смыслами. Однако судебники придали развитию права направление, необходимое для реализации интересов центральной власти. Из всей совокупности правил поведения, действовавших в обществе, государство выделяет, оформляет, организует и определяет особый социальный авторитет отдельных нормативных положений, включенных в судебники и поставленных тем самым на высшую ступень в иерархии юридических норм.

Можно предположить, что именно судебники становятся точкой разрыва между общепринятым и узаконенным. Именно с этого времени приоритеты обыденного уступают место официально установленному даже, если закон будет противоречить справедливости.

Содержание судебников дает представление и о состоянии российского общества, и об уровне государственного управления в Московском государстве. В отличие от европейских кодификаций конца XVв. - середины XVIвв., подготовленных частными кодификациями и инициируемых при активном участии общественности [7, с.128], московские кодификации созданы с целью укрепления авторитета политической власти московских государей, распространившейся в указанный период далеко за пределы границ Московского княжества. Этим и объясняется правовая сфера судебников, практически не затрагивающая частного права, а также тот факт, что власть впервые самостоятельно создает новые юридические формы правовых норм, а не ограничивается лишь их упорядочением. Так, в ст.1 Судебника 1550 г. сказано,

что бояре и окольничие судят суд царя. Вслед за Судебником 1497 г. «стоглавый» Судебник закрепляет приоритет государственного правосудия, осуществляемого волей царя. Отказ от разбора жалоб «по делу» грозил судье «государевой опалой» (ст.7).

Вместе с тем, следует отметить достаточный уровень политического сознания общества для обеспечения его поддержки, а также наличие общественной заинтересованности в юридической определенности общественно-политического строя, системы государственного управления и правосудия. Все реформы и важнейшие вопросы практической жизни получают направление от высшего духовного авторитета – церковного собора.

Для осуществления этой цели власть пошла, в том числе и на ограничение привилегий боярской аристократии, ограничение ее автономии в сфере административного управления и суда. В этом отношении интересен тот факт, что историки права избрали ст. 98 предметом научной дискуссии о роли Боярской думы в управлении централизованным государством [8, с.195-210]. При этом без внимания остаются статьи, устанавливающие прерогативы, исключительные права царя. Так, целый ряд статей Судебника 1550 г. закрепляет право царя определять меру наказания по собственному усмотрению в каждом конкретном случае, «смотря по человеку» (ст. 25, 44,53 и др.). Такое право не является новацией. Принцип «глядя по человеку» считаем одним из основных принципов обычного права российских крестьян [9, с.15-18] Однако издревле оно принадлежало избранным судьям общественных судов, которые хорошо знали участников процесса и могли выносить решения с учетом личных качеств сторон.

Нормы судебников, ограничивавшие властные полномочия удельных князей, наместников и волостелей, центральная власть впоследствии реализовывала путем преодоления политической оппозиции со стороны боярства, применяя при этом репрессивные методы восточной деспотии.

Содержание судебников отражает сферу действия позитивного права, которая охватывала судопроизводство, судоустройство. И несмотря на то, что применительно к судебникам можно говорить только об установлении границ, а не обеспечении полноты и определенности правового регулирования, важно то, что впервые в истории российского права была определен ареол приоритетного действия закона, обеспечивающего единообразное выполнение императивных требований власти. При этом вне рамок этого единообразия судебники оставляли простор правовому разнообразию особенно в частном праве.

Отмечая специфику данной кодификации, укажем на то, что в отличие от европейских средневековых кодификаций и более поздних российских кодификаций середины XVII - начала XX вв., вызванных нагромождением юридических предписаний и потребностью их упорядочения («уложения»), рассматриваемая кодификация была нацелена в большей степени на восполнение пробелов, чем систематизацию. Подтверждением тому является тот факт, что свыше ¾ норм судебников не состояли ни в какой связи с предыдущими юридическими правилами. Нельзя в этом смысле не согласиться с французским социологом П. Бурдьё в том, что кодификация означает и придание формы, и ее создание [10, с.7].

Обладая, общей со средневековыми европейскими кодификациями Нового времени чертой унифицированного единообразия централизованного юридического регулирования, московские кодификации отличаются и по ряду параметров. Так, в основании европейских кодификаций лежало возрожденное римское право. Судебники базируются на запутанных правовых обычаях, судебных прецедентах разных времен, уставных грамотах, нормах византийского канонического права и книгах старых византийских учителей.

Кроме того, проведению официальных кодификаций в Европе предшествовала длительная работа по созданию локальных сборников правовых обычаев. Такая деятельность велась и в русских княжествах. Ее результаты - Русская Правда, позднее Новгородская, Псковская и другие грамоты широко известны. Однако отметим, что в средневековой Европе с XV в. осуществлялось доктринальное переосмысление этих сборников в направлении поиска национального единства обычного права и его синтезирования в общегосударственное право. К примеру, над французской доктриной национального права трудились известные средневековые юристы Ш. Дюмулен, Г. Кокий и др.

С юридико-технической точки зрения судебники уступают европейским аналогам, созданным в конце XV в. - середине XVI вв. Поэтому их значение в юридической плоскости выражается в создании краеугольных основ письменного позитивного права, закрепленных от имени верховной власти в общерусском законе. Начиная с Судебника 1497 г., местные грамоты в области государственного управления не могли противоречить судебнику, тем самым складывалась пирамидальная структура системы российского законодательства. Действия по правде и совести заменяются осуществлением созданных верховной властью законов посредством системы подвластных учреждений.

Именно в Судебнике 1550 г. закреплен принцип монархического властвования, который Л.А. Тихомиров опишет как «прерогативу личного действия по совести», а подданные получают право апелляция царя в спорах между собой или законными органами [11, с.9-15]. Следствием реализации данного принципа становятся такие социальные последствия как существенное ограничение возможностей общества в осуществлении правосудия. В сравнении в Псковской судной грамотой, в которой упоминается пять разновидностей судов, из которых только суд князя и посадника можно назвать государственным, судебники оформляют юридическую монополию государства на осуществление правосудия и выстраивают иерархию административно-судебных органов во главе с царем.

Другим социально-правовым последствием становится приоритет царя на правду как высшую правовую ценность в российском обществе. Соответственно инакомыслие, отказ от служения верховной власти, в том числе неповиновение благоверному царю, рассматриваются как государственные преступления. Первой жертвой такого отношения стало боярство, выступавшее ревнителем удельных порядков, управлявшее по принципу кормлений наместничествами, занимавшее по праву местничества высшие государственные должности. По ст. 100 Судебника 1550 г. даже удельные князья лишаются права самостоятельного суда. В частности, в указанной статье они не могли осуществлять сместный суд в делах между великокняжескими

людьми и населением уделов. В том же году Иван Грозный издает приговор о частичной отмене местничества по записям в разрядной книге [12, с.142]

Как писал В.О. Ключевский, в XVI в. Боярская Дума «редко возбуждала вопросы, подлежащие ее обсуждению. Законодательный почин обыкновенно шел снизу или сверху, а не из среды самого совета» [13, с.255]. Власть кормленщиков ограничивается и сверху институтом доклада, и снизу – введением института «лучших людей», то есть установлением надзора и со стороны верховной власти, и со стороны общества. К сожалению, возможности общественного контроля не выходили за пределы права апелляции и обязанности доносительства о действиях наместников центральным властям.

Таким образом, принятие судебников 1497 г., и особенно 1550 г., считаем эпохой установления единовластия царской власти в Российском государстве. Рассуждения о том, что судебники являлись феодальными конституциями [14, с.231], предоставлявшими широкие полномочия боярского участия в управлении государством не отвечают критерию научной объективности в отношении как текстов судебников, так и последующих событий опричного «беспредела», а также последовавших за принятием Судебника 1550 г. ограничений коллективных прав и свобод формирующихся российских сословий (о личных правах в средневековый период говорить не приходится). К примеру, в отношении боярского сословия вводятся ограничения права местничества, права вотчинного управления и суда, право землевладения связывается с обязанностью государственной службы. По ст. 43 Судебника 1550г. выдачи тарханных грамот отменялась, а прежние грамоты изымались.

Связанные с проведением земской и губной реформы иллюзии сословного представительства и народного участия в управлении в реальности объяснялись намерением верховной власти заменить удельно-вечевые и дворцово-вотчинные институты губными и земскими органами, ведшими общегосударственные дела под надзором центральных органов, и тем самым укрепить царское единовластие. Деятельность губных старост и выборных судей осуществлялась под угрозой личной имущественной и уголовной ответственности, в том числе и смертной казни, а также под ответственность коллектива («мирская» круговая порука). Именно судебники закрепили инфраструктуру для расширения центрального правительства за счет губных и земских учреждений, создав институт целовальников, выборных старост с определенными верховной властью полномочиями. К примеру, по ст. 60 Судебника 1550 г. губным старостам разрешалось судить только «ведомо лихих разбойников». И этот суд следовало осуществлять «по царевым великого князя губным грамотам, что в них написано».

Возвращаясь к разговору о значении судебников, отметим, что они заложили централизацию и единовластие, приказ на осуществление общегосударственных дел вместо инициативного местного самоуправления, монополию государства на правосудие и юридическую формализацию правды в закон как сущностные основания российского позитивного права. При всех последующих его модификациях эти начала оставались незыблемыми. Именно данный подход к «естественности» государственного принуждения, допускающего и легализованное насилие в отношении отдельной личности или социальных групп лежит в основании современного позитив-

ного права. Популярность такого подхода настолько высока, что сегодня многие юристы рассматривают его как некую теоретическую истину.

Для современников понимание этого разворота в развитии российского права, произошедшего после принятия судебников должно стать важным уроком. Юридическое регулирование следует основывать не на временно-факторной, а на нормативно-идеальной основе. И в этой связи государственная власть обладает несомненной ценностью, наиболее удачно воплощая идею целого, имеющую абсолютный характер. Придание государственной властью своим волеизъявлениям нормативной силы, как справедливо отметил Н.Н. Алексеев, должно исходить из того, что управляемый ею общественный союз – есть единое целое, а юридические предписания предназначены для связывания всех и каждого, устанавливая общие права и обязанности, обладающие ненарушимой силой [15, с.42-43]. Подчинение нормативным установлениям в таком случае рассматривается индивидом не как фактическая неизбежность, а рациональное осознание их необходимости, в силу принадлежности лица к общему целому. И только такой подход является залогом уважительного отношения к праву и его действенности в российском обществе.

Литература

1.Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 800с.

2.Калачов Н.В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, Доктором Прав и Ординарным Профессором Императорского Московского Университета. – М.: В Университетской типографии, 1841. – Том I. – С.56.

3.Татищев В.Н. (Сост.) Судебник Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича. Изданіе второе. — М.: Въ Университетской Типографіи Н. Новикова, 1786. 270с.

4.Шатковская Т.В., Ларина О.Г. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях // Философия права. 2019. №3(90). С.14-19.

5.Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922. 116с.

6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.IV. М., 1999.

7.Кабрияк Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. 476с.

8.Гальперин Г.Б. К вопросу о форме правления Русского государства XV и первой половины XVI вв. / Г.Б. Гальперин // Вопросы государства и права. – Л., 1958. – С. 195 – 210с.

9.Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX - начала XX века: Монография. Ростов-на-Дону: Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 616с.

10.Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 576с.

11.Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Алир, 1998. 672с.

12.Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. 314с.

13.Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. 831с.

14.Покровский М.Н. Боярство и боярская дума. Русская история с древнейших времен, т. I. Соцэкгиз, 1933. 272с.

15. Алексеев Н.Н. Основы философии права. — СПб.: Издательство «Лань», 1999. 256с

Shatkovskaya Tatiana V. Ph.D. (Doctor of Juridical Science, The Russian Presidential Academy Of National Economy and Public Administration, Professor Rostov State University of Economics (RSUE), e:mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Feodorova M.Kh., graduate student of Rostov State University of Economics (RSUE), e:mail: mari_anna.08.1988@mail.ru

THE FIRST CODIFICATION OF RUSSIAN POSITIVE LAW: TO THE ANNIVERSARY OF THE SUDEBNYK OF 1550

Abstract

The article is devoted to the first all-Russian codification of positive law, one of the important results of which was the Sudebnyk of 1550. The authors argue that the Sudebnyk of 1550 becomes a point of break between the generally accepted and the legalized, but does not lose touch with the legal tradition. The Sudebnyk of 1550 for the first time in the history of Russian law, he defined the areola of the priority action of the law, consolidated the principle of monarchical rule, established the priority of the tsar to the truth as the highest legal value in Russian society. As a result, centralization and autocracy, an order for the implementation of national affairs, the state's monopoly on justice and the legal formalization of truth into law become the essential foundations of Russian medieval positive law.

Keywords: *the Sudebnyk of 1550, codification, Russian law, Moscow tsars, positive law, centralized state, legal customs, monarchy, Moscow state*

References

1. Zen'kovskij V.V. Istoriya russkoj filosofii. – M.: Akademicheskij Proekt, Raritet, 2001. 800s.
2. Kalachov N.V. O Sudebnike Carya Ioanna Vasil'evicha // YUridicheskie zapiski, izdavaemye Petrom Redkinym, Doktorom Prav i Ordinarnym Professorom Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta. – M.: V Universitetskoj tipo-grafii, 1841. – Tom I. – S.56.
3. Tatishchev V.N. (Sost.) Sudebnik Gosudarya Carya i Velikogo Knyazya Ioanna Vasil'evicha. Izdanie vtoroe. — M.: V" Universitetskoj Tipografii N. Novikova, 1786. 270s.
4. SHatkovskaya T.V., Larina O.G. Metod istoricheskoj kritiki v sovremennyh yuridicheskih issledovaniyah // Filosofiya prava. 2019. №3(90). S.14-19.
5. Vipper R.YU. Ivan Groznyj. M., 1922. 116s.

6. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T.IV. M., 1999.

7.Kabriyak R. Kodifikacii. M.: Statut, 2007. 476s.

8.Gal'perin G.B. K voprosu o forme pravleniya Russkogo gosudarstva XV i pervoj poloviny XVI vv. / G.B. Gal'perin // Voprosy gosudarstva i prava. – L., 1958. – S. 195 – 210s.

9.SHatkovskaya T.V. Obychnoe pravo rossijskih krest'yan vtoroj poloviny XIX - nachala XX veka: Monografiya. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo APSN SKNC VSH YUFU, 2009. 616s.

10.Socioanaliz P'era Burd'yo. Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii RAN. M.: Institut eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2001. 576s.

11.Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost'. M.: Alir, 1998. 672s.

12.Milyukov P.N. Drevnejshaya razryadnaya kniga. M., 1901. 314s.

13.Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. M.: OLMA-PRESS Obrazovanie, 2005. 831s.

14.Pokrovskij M.N. Boyarstvo i boyarskaya duma. Russkaya istoriya s drevnejshih vremen, t. I. Socekgiz, 1933. 272s.

15. Alekseev N.N. Osnovy filosofii prava. — SPb.: Izdatel'stvo «Lan'», 1999. 256s.